

№ 4, 16/12

XXI-2-13.

№ 16

ОБЪ ІЕЗУИТАХЪ

ВЪ

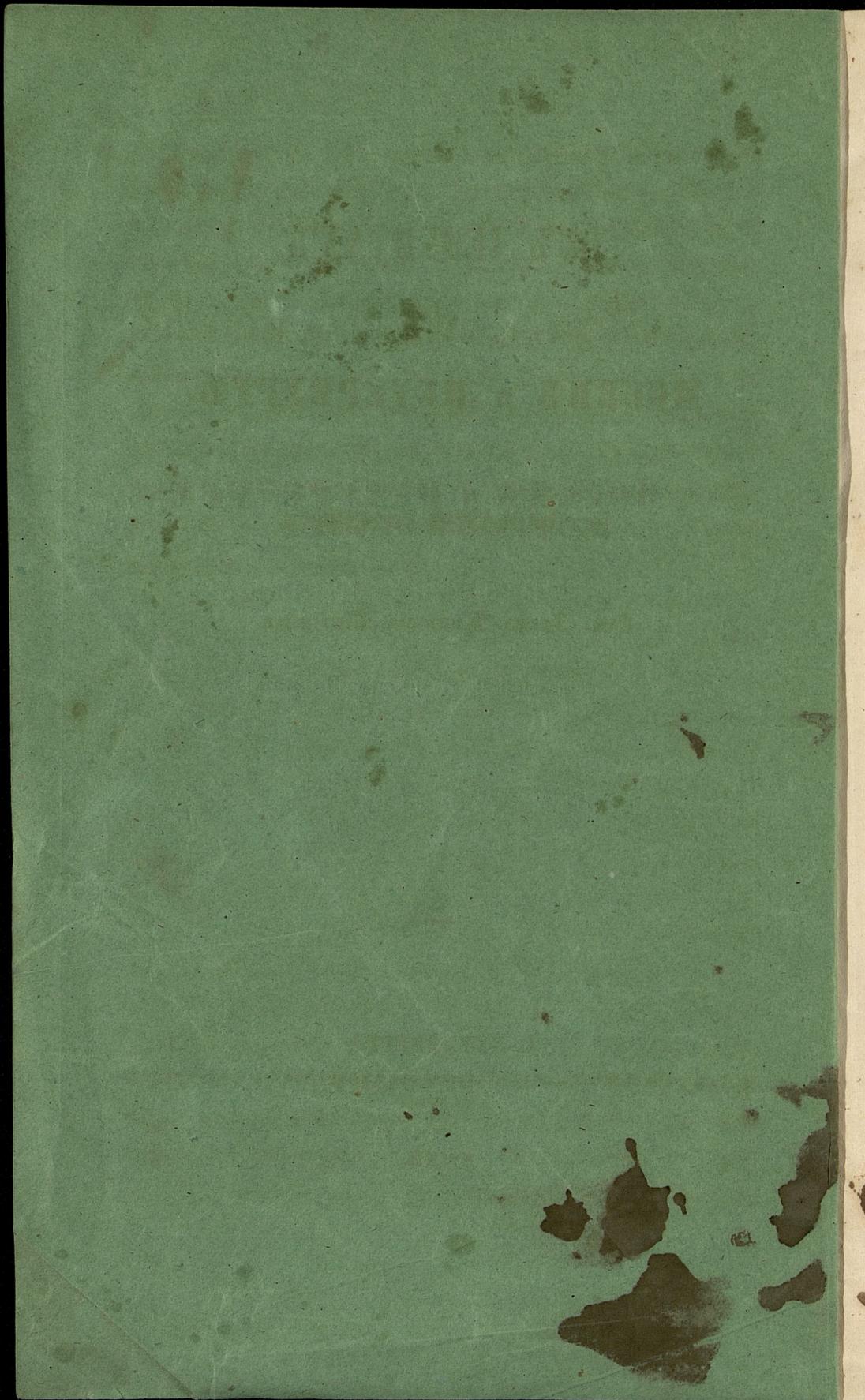
МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Соч. Графа Дмитрія Моастаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

И-37353 р.

Резерв

ОБЪ ІЕЗУИТАХЪ

ВЪ

МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Соч. Графа Дмитрія Толстаго.

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

450/97

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества
Канцеляріи.

1859.

Рисков

37323 6

ОБЪЕДИНЕННЫЙ

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено надлежащее число экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ. Санктпетербургъ, 12 Февраля 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

1859

ОБЪ ІЕЗУИТАХЪ ВЪ МОСКВѢ И ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

До Петра Великаго въ Москвѣ не было костеловъ, и Латынскіе духовные не жили тамъ постоянно, а бывали или проѣздомъ на Востокъ, въ качествѣ миссіонеровъ, или при посольствахъ. Въ 1684 году Цесарскій посоль Жировскій оставилъ въ Москвѣ своего духовника іезуита Шмита, которому было дозволено исполнять требы для иностранныхъ начальныхъ людей, бывшихъ въ Русской службѣ и другихъ Римскокатоликовъ. Въ 1687 году явился въ Москву, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Германскаго Императора, другой іезуитъ Тихавскій (Тихановскій), и весьма скоро составилъ тамъ цѣлый іезуитскій кружокъ. На счетъ Германскаго Императора и черезъ посредство его посланника, купленъ былъ въ 1685 году для іезуитовъ домъ въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ; но записанъ на имя Итальянца Гваксонія, который былъ ничто иное, какъ свѣтскій іезуитъ, подъ названіемъ купца, и служилъ іезуитскому обществу агентомъ. Не теряя времени, іезуиты начали дѣйствовать: тотчасъ же основали школу и стали приглашать въ нее Русскихъ дѣтей; для совращенія Православныхъ, выпускали пропагандическія книги на Русскомъ языкѣ, напечатанныя въ Литовскихъ типографіяхъ, и Латынскіе образа; вмѣшивались въ дѣла

политическія, и служили агентами и шпионами нѣкоторыхъ Римско-Католическихъ державъ. Намѣренія ихъ были рѣшительны: не зная вовсе Россіи, не понимая привязанности Русскихъ людей къ своей вѣрѣ, они почитали за легкое дѣло утвердить въ Москвѣ Латынство. Способы, употребленные іезуитами, состояли въ прельщеніи и прозелитизмѣ; примѣромъ собственной жизни имъ трудно было склонить къ своей вѣрѣ,—дѣло не соотвѣтствовало словамъ, а жизнь—проповѣди (*). Покровителемъ іезуитовъ былъ сильный временщикъ, Князь В. В. Голицынъ, любимецъ Царевны Софіи; за то іезуиты обѣщали прославить имя Голицына по всей Европѣ.

Когда въ 1688 году Государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи прибыли на богомолье къ Троицѣ, Патріархъ Іоакимъ, опечаленный уже волненіями раскольническими, и видя новую опасность для Православія извнѣ, съ Запада, объяснилъ Государямъ дѣйствія іезуитовъ, и просилъ, чтобы ихъ выслали изъ Москвы. Такъ и было сдѣлано. Но, дорожа дружественными сношеніями съ Германскою Имперіею, Правительство заботилось, чтобы изгнаніе іезуитовъ не раздражило Леопольда, потому и велѣно было отпустить ихъ «милостиво», дать пособіе и подводы до Литовской границы; а имъ поручено было донести Цесарю, что это дѣлается въ угожденіе ему.

Не хотѣлось іезуитамъ оставить Москвы, погубить свои начинанія; всячески старались они тамъ удержаться. Сна-

---

(*) Я имѣю отрывки изъ ихъ частной переписки, которые когда нибудь напечатаю. Въ этихъ письмахъ развратъ доходитъ до цинизма.

чала просили остаться нѣкоторое время, подѣ предлогомъ продажи дома, купленнаго ими въ Нѣмецкой слободѣ; но когда имъ дано было на это только два дня, то они стали ходатайствовать, чтобы имъ подождать въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока они спишутся съ Вѣною, конечно для того, чтобы вмѣшаться въ это дѣло Императора. «Не для чего предупреждать вамъ объ этомъ Императора», было имъ сказано; «Государя сами о томъ ему напишутъ, по отъѣздѣ вашемъ изъ Москвы». Послѣ этой неудачи, обратились они къ Польскому Резиденту Довманту, который, не смѣя хлопотать о нихъ официально, за состоявшимся уже указомъ о ихъ высылкѣ, попробовалъ устроить дѣло чрезъ Думнаго Дьяка Украинцова, — и просилъ его хоть *одного* иезуита оставить въ Москвѣ. Украинцовъ не только отказалъ ему положительно; но и весьма кстати выразилъ удивленіе, что Польскій Резидентъ вступаетъ въ дѣла людей, состоящихъ въ подданствѣ не Польши, а Римскаго Императора. Такимъ образомъ, иезуиты должны были выѣхать изъ Россіи.

Однако они не отчаялись; ибо были увѣрены въ дѣятельномъ покровительствѣ Германскаго Императора. И дѣйствительно, въ 1691 году прибылъ въ Москву Императорскій посоль Курцей, съ миссіею въ пользу иезуитскаго Ордена. Курцей требовалъ, чтобы иезуитамъ дозволено было вернуться въ Россію и поселиться въ Москвѣ, для исполненія духовныхъ требъ и распространенія Римско-Католической вѣры, на томъ основаніи, что исповѣдники другихъ вѣръ, какъ-то: Лютеране и Кальвинисты, пользуются въ Россіи

полною свободою богослуженія. Курцею объявлено было, что іезуитамъ возвратиться въ Москву не позволять, потому что поведеніе и дѣятельность ихъ не соотвѣтствовали условіямъ, подѣ которыми имъ было разрѣшено оставаться въ Москвѣ. Сдѣлано это было только въ удовольствіе Цесаря и то на время. Іезуиты обязались жить спокойно и отправлять службу на дому; вмѣсто того, они стали вмѣшиваться въ дѣла, совершенно для нихъ чуждыя, завели переписку съ заграничными своими агентами о томъ, что дѣлается у насъ; учредили пропаганду, и стали привлекать Русскихъ дѣтей въ свое училище.

Курцей увѣрялъ, что всѣ неудовольствія на іезуитовъ произошли отъ происковъ и клеветъ живущихъ въ Москвѣ еретиковъ, Лютеранъ и Кальвинистовъ; что, напротивъ того, іезуиты столько же отличаются своимъ образованіемъ, сколько и смиреніемъ; желали они одного, — отправлять службу Божію; и что ежели они впослѣдствіи, по слабости человѣческой, и отступили бы ненамѣренно отъ этого правила и предписаній высшей ихъ духовной власти, то ихъ легко остановить и строго приказать болѣе того не дѣлать. Понимая однако, что настаивать на безусловномъ возвращеніи іезуитовъ нельзя, Курцей просилъ разрѣшить имъ оставаться въ Москвѣ по три года, и черезъ каждые три года перемѣняться въ личномъ своемъ составѣ; и чтобы купленный для нихъ домъ, подѣ ложною фирмою Гваксонія, записать официально на имя Германскаго Императора. Чтобы успокоить Правительство, онъ предложилъ составить инструкцію, какъ іезуиты должны поступать и дѣйствовать,

живя въ Россіи, и ручался за то, что они исполнять въ точности такое предписаніе. Ежели и на это не согласятся Государи, то въ какое положеніе они поставятъ Императора? Онъ далъ имъ слово, что не будутъ изгнаны изъ Россіи, и слова этого не сдержитъ! Какую славу получаютъ іезуиты? Московскіе Лютеране и Кальвинисты огласили по всей Европѣ объ изгнаніи іезуитовъ; взвели на нихъ разныя клеветы, и теперъ это пятно лежитъ на нихъ; вездѣ ихъ поносятъ, и некому оправдать этихъ *невинныхъ страдальцевъ*; вотъ отъ чего Цесарь и желаетъ такъ, чтобы іезуиты прибыли снова въ Москву: это оправдаетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи.

Какой стыдъ Императору, отвѣчали Курцею, что іезуиты не исполнили своего долга, что завели у насъ пропаганду и за это уволены изъ Россіи? Этого нечего стыдиться, да и печалиться объ этомъ не стоить. А іезуитамъ уже болѣе въ Россіи жить не доведется; да и размножать у насъ Латынскаго ученія, какъ проговорился Курцей, не надобно и неудобно; потому что мы изстари имѣемъ свою Христіанскую вѣру, непоколебимо ей преданы, и иностранныхъ ученій не принимаемъ. Ежели же Цесарь непремѣнно желаетъ, чтобы іезуиты находились въ иностранныхъ государствахъ, то пускай онъ пошлетъ ихъ къ такимъ народамъ, которые не исповѣдаютъ и не знаютъ истиннаго Господа Бога и блуждаютъ во мракѣ, — тѣхъ бы они просвѣщали и обращали въ свою Римскую вѣру! Что касается до Лютеранъ и Кальвинистовъ, то хотя ихъ ученіе гораздо болѣе различествуетъ отъ Православнаго, чѣмъ Римско-

Католическое, но они живутъ въ Россіи спокойно, не мѣшаются въ дѣла, до нихъ не касающіяся, и не затѣваютъ пропаганды; а позорили ли они іезуитовъ, или нѣтъ, до этого Правительству нѣтъ дѣла. Домъ іезуитскій въ Москвѣ купленъ на имя Гваксонія, пускай онъ имъ и владѣетъ, а записывать его на имя Императора не пристойно, и не для чего, ибо этого и прежде никогда не бывало, да и въ Германской Имперіи нѣтъ ни одного дома, принадлежащаго Русскимъ Государямъ. Въ заключеніе Курцею объявлено, что Государи, снисходя на просьбу начальныхъ людей Римско-Католическаго закона, разрѣшаютъ побыть въ Москвѣ одному ксендзу, но никакъ не монаху, и еще менѣе іезуиту; и отправлять богослуженіе на дому, съ условіемъ, чтобы онъ не мѣшался въ свѣтскія дѣла и не покушался совращать Православныхъ; ежели же, подъ именемъ священника, присланъ будетъ іезуитъ, только въ одеждѣ, принятой бѣлымъ духовенствомъ, то его отправятъ за границу, и Римско-Католическимъ духовнымъ запретится жить въ Россіи.

Не убѣдивъ Русскаго Правительства своими доводами въ пользу іезуитовъ, Цесарскій посоль попробовалъ подѣйствовать на него экономическими разсчетами; привелъ, какъ невыгодно содержать свѣтскихъ ксендзовъ, привыкшихъ получать значительные доходы, тогда какъ служивыхъ людей Римско-Католиковъ въ Россіи мало, значить и содержать духовника будетъ имъ трудно. Напротивъ того, содержаніе іезуитовъ почти ничего не стоитъ: они монахи, ѣдятъ мало, всё востятся и молятся. Въ этомъ его успокои-

ли: служивые люди, генералы и полковники, безъ затрудненія примуть на себя содержаніе священника, сказано было Курцею; а іезуитамъ, хотя они и постыятся постоянно и проводятъ жизнь свою въ лишеніяхъ, никогда болѣе не позволять жить въ Россіи.

Не такихъ послѣдствій ожидалъ отъ своей миссіи Курцей. Искусны были его доводы; весьма ловко онъ придумалъ обеспечить жилище іезуитское, заставивъ признать его собственностію Императора Германскаго, и потому сохранить навсегда поводъ вмѣшиваться въ дѣла Русскихъ Римско-Католиковъ и предъявлять новыя требованія. Но онъ былъ понятъ вполнѣ. Постоянное водвореніе въ Россіи Римско-Католицизма, сдѣлавшееся необходимостію съ переселеніемъ къ намъ иностранцевъ, было совершенною новостію въ это время. Однако, не смотря на это, Русскіе государственные люди весьма разумѣли духъ этого ученія, и очень вѣрно провели черту между религіею и пропагандою, между духовными нуждами Римско-Католиковъ и кастовыми притязаніями ихъ духовенства. Римско-Католики могли молиться по обрядамъ ихъ вѣры и имѣть для этого своихъ священниковъ, но не принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ, учрежденнымъ, по большей части, для распространенія Римско-Католицизма черезъ прозелитизмъ.

Иезуиты однако не переставали дѣлать свое дѣло. Подъ именемъ свѣтскихъ священниковъ и въ одеждѣ бѣлаго духовенства, они потихоньку пробирались въ Россію, подъ предлогомъ проѣзда въ Индію и Персію, а преимущественно

подъ покровительствомъ Императорскихъ пословъ, при которыхъ состояли духовниками, и съ рекомендательными письмами отъ Императора. Вначалѣ невѣдѣніе, а потомъ желаніе сохранить дружественныя сношенія съ Германскимъ Дворомъ, обеспечили пребываніе іезуитовъ въ Россіи. Получивъ снова нѣкоторую осѣдность, и когда Правительство свыклось уже съ мыслию, что они опять въ Москвѣ, іезуиты сбросили съ себя маску, учредили опять училище, и начали открыто принимать въ него Русскихъ дѣтей, уговоривъ Посольскій приказъ помѣщать въ эту школу приготовлявшихся для дипломатической службы мальчиковъ, для изученія будто бы языковъ Латинскаго и Нѣмецкаго. Пропаганда пошла своимъ чередомъ: нѣкоторыхъ Русскихъ дѣтей іезуиты успѣли даже отправить въ Римъ; такъ, на примѣръ, Ладыженскій, подготовленный Московскими іезуитами, вступилъ въ Римѣ въ ихъ орденъ, и іезуиты хлопотали получить для себя принадлежавшее ему въ Россіи имѣніе. Тоже отношеніе сохранили іезуиты и къ Вѣнскому Кабинету: они остались его шпионами. Наболѣе замѣчательный и дѣятельный изъ нихъ былъ Енгель, присланный въ Петербургъ въ 1715 году Инфляндскимъ Римско-Католическимъ Епископомъ Шембекомъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ Государственному Канцлеру Графу Головкину. Ему усердно помогали прибывшій въ томъ же году іезуитъ Байеръ и жившій въ Москвѣ Миланъ. Правительству извѣстны были дѣйствія іезуитовъ; но, въ угоду Вѣнскому Двору, оно смотрѣло на нихъ какъ бы сквозь пальцы; пока не измѣнились политическія отношенія съ Императоромъ Римскимъ. Укрывательство Царевича Алексѣя въ Австріи, затрудненія

въ выдачѣ его разгнѣванному отцу, охладили и даже пресѣкли сношенія обоихъ Правительствъ. Императорскій посоль Блееръ, подозрѣваемый въ интригахъ въ пользу Царевича и противъ Государя, долженъ былъ выѣхать изъ Россіи; но Императоръ Петръ, не высылая его самъ, просилъ Вѣнскій Дворъ отозвать его, и когда онъ получилъ отъ своего кабинета предписаніе прибыть въ Вѣну, то ему дозволено было послѣ того пробывать еще нѣсколько мѣсяцевъ въ С.- Петербургѣ. Съ своей стороны, Цесарь не нашелъ нужнымъ отвѣчать тою же учтивостію: онъ предложилъ Русскому послу Веселовскому выѣхать черезъ недѣлю изъ Австрійскихъ владѣній, не давъ ему времени ни увѣдомить свое Правительство, ни собраться приличнымъ образомъ въ путь; и выслалъ кромѣ того Русскаго агента по коммерческимъ дѣламъ, не принимавшаго никакого участія въ политикѣ. Желая отвѣтить тѣмъ же Цесарю, Петръ повелѣлъ деклараціею 17 Апрѣля 1719 года выслать изъ Россіи іезуитовъ, столь ревностно покровительствуемыхъ Германскимъ Императоромъ.

Іезуиты предупреждены были во время: еще въ Январѣ 1719 г. они получили предписаніе своего провинціала прекратить корреспонденцію и вести переписку развѣ лишь черезъ агентовъ Австрійскаго Правительства; по этому успѣли уничтожить всѣ подозрительныя письма. Только 25 Апрѣля іезуитъ Енгель приглашенъ былъ къ Графу Головкину и Шафирову, и освидѣтельствованы его бумаги; въ нихъ, разумѣется, ничего важнаго уже не нашли. Распоряженія высылкою іезуитовъ предоставлены были Импера-

торомъ тому самому Румянцеву, который вывезъ изъ Австріи Царевича Алексѣя. На приготовленіе къ дорогѣ дано было четыре дня со времени объявленія указа. Одинъ экземпляръ деклараціи 17 Апрѣля прибитъ былъ къ стѣнѣ Московскаго костела, другой отданъ іезуитамъ, а третій свѣтскимъ Римско-Католическимъ священникамъ, бывшимъ въ Россіи; кромѣ того, эта декларація разослана была ко всѣмъ Дворамъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ на примѣръ Англійскій, признали, что распоряженія Петра относительно Вѣнскаго Кабинета правильны и справедливы.

Итакъ, въ теченіе тридцати лѣтъ дважды успѣли іезуиты пробраться въ Россію, и дважды были изъ нея изгнаны, но по совершенно различнымъ видамъ и побужденіямъ.— Въ первый разъ вооружилось противъ нихъ оскорбленное прозелитизмомъ Православіе, и выслалъ ихъ не Царь, а Патріархъ; во второй разъ они удалены были, какъ Австрійскіе шпіоны. Но въ обоихъ случаяхъ дѣйствія ихъ были одинаковы: фанатизмъ и пропаганда.— Съ тѣхъ поръ уже на долго не показывались іезуиты ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ.

Императрица Екатерина, присоединивъ въ 1772 году Бѣлоруссію, нашла тамъ этотъ орденъ, и дозволила ему остаться, не смотря на то, что въ слѣдующемъ же году онъ былъ уничтоженъ Папою Климентомъ XIV. Но іезуиты заключены были въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, и переходить ихъ не могли. Не знаешь, чему тутъ болѣе удивляться: явному ли ослушанію ордена, не повиновавшагося Папѣ, котораго

онъ называлъ себя вѣрнѣйшимъ слугою, или покровительству, ему оказанному образованнѣйшею Монархинсю своего времени? Объяснить дѣйствія въ этомъ случаѣ Екатерины можно только тѣмъ, что, желая утвердить свою власть во вновь присоединенной странѣ, она не могла выбрать болѣе удобнаго для этого орудія, какъ іезуитовъ, людей, не имѣющихъ отечества, заключившихся въ тѣсномъ кругу своего ордена, составляющихъ въ полномъ смыслѣ слова *status in statu*. Въ числѣ Бѣлорусскихъ іезуитовъ были люди всѣхъ возможныхъ націй: Итальянцы, Французы, Нѣмцы, и сами Поляки переставали быть Поляками, какъ скоро дѣлались іезуитами. Поддерживая всякаго рода Правительства, лишь бы онѣ благопріятствовали ихъ ордену, іезуиты могли быть въ первое время полезны Русскому Правительству въ Бѣлоруссіи, но только лишь развѣ въ смыслѣ полицейскомъ.

При Императорѣ Павлѣ все измѣнилось: іезуиты нашли возможнымъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Орудіемъ своимъ они избрали своего сочлена, прибывшаго изъ Австріи Грубера, человѣка необыкновенно умнаго и хитраго, специально изучавшаго науки физическія и механику, въ которой сдѣлалъ даже нѣкоторыя открытія. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ какъ бы для того только, чтобы представить Академіи Наукъ сдѣланныя имъ усовершенствованія по части механики. Здѣсь онъ нашелъ не мало покровителей, въ томъ числѣ нѣсколько Русскихъ вельможъ, бывавшихъ въ Бѣлорусскомъ іезуитскомъ гнѣздѣ—Полоцкѣ, и восхищавшихся отлично устроенными іезуитами физическимъ

кабинетомъ, типографіею и другими учеными приспособленіями. Груберъ и сопровождавшіе его іезуиты появились въ Петербургскомъ обществѣ, посѣщали Академію, однимъ словомъ, бывали вездѣ, гдѣ могли составить себѣ связи, и отличались столько же своими знаніями, сколько и необыкновенною наружною скромностію. Вѣсть объ ихъ достоинствахъ и Христіанской жизни дошла до Государя. Онъ призвалъ къ себѣ Грубера, былъ отъ него въ восхищеніи, и, въ доказательство своей милости, тутъ же хотѣлъ пожаловать его кавалеромъ какого-то ордена. Груберъ поблагодарилъ, но не принялъ этого отличія, такъ какъ правила его сословія того не дозволяютъ; и при этомъ смѣренно сказалъ, что они обязываются служить государямъ и ихъ подданнымъ, единственно для умноженія хвалы Божіей, *ad maiorem Dei gloriam*. Этотъ отвѣтъ такъ понравился Императору, что онъ позволилъ Груберу приходить къ нему, когда захочетъ, прямо въ кабинетъ, и въ послѣдствіи всегда встрѣчалъ его словами: *ad maiorem Dei gloriam!* Посѣщенія эти не остались безуспѣшными для іезуитовъ: вскорѣ имъ отданъ былъ Петербургскій костелъ съ принадлежащимъ къ нему домомъ, и тотчасъ же открыты при костелѣ іезуитскіе школы и конвиктъ. Такимъ образомъ іезуиты основались въ Петербургѣ, украсили свой храмъ, угождали всѣмъ прихожанамъ, ничего не брали за требы, и ввели краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ на главнѣйшихъ Европейскихъ языкахъ. Вскорѣ заговорила о нихъ вся столица.

Но іезуитамъ мало было одного Петербургскаго костела; они искали его, чтобы приобрѣсти осѣдность въ столицѣ и съ бѣльшимъ удобствомъ схватить въ свои руки все упра-

вление Латынскою церковью въ Россіи, и достигли этого вполне. Черезъ своихъ сообщниковъ, оставаясь сами какъбы въ сторонѣ, они заставили подавать жалобу за жалобой на Римско-Католическій Департаментъ Юстиць-Коллегіи (высшее церковное управленіе), въ которомъ предсѣдательствовалъ Митрополитъ Сестренцевичъ, ненавидимый іезуитами за его чуждое фанатизма просвѣщеніе и твердый характеръ. Государь, желая знать истину, потребовалъ къ себѣ Грубера, который тутъ же и довершилъ іезуитскую побѣду: Сестренцевичу запрещено было являться во дворецъ, снято съ него достоинство Мальтійскаго ордена, и велѣно ѣхать на покой въ его имѣніе, недалеко отъ Могилева (на Днѣпрѣ), (*); всѣ близкія къ Митрополиту духовныя лица, въ томъ числѣ и его Суффраганъ-Епископъ (Викарный), разосланы на жительство въ дальніе города. Сдѣлавшись владыками судебъ католицизма въ Россіи, уничтоженные и не признаваемые тогда Папою іезуиты поставили въ главѣ Латынской іерархіи въ Имперіи свою креатуру, коадьютора Митрополита, Епископа Бениславскаго, человѣка, который, по сознанию самихъ личныхъ враговъ Сестренцевича, не способенъ былъ ни къ какому управленію. Единственною цѣлію дѣйствій Бениславскаго было угождать іезуитамъ.

Императоръ Александръ ни по воспитанію, ни по просвѣщенному уму своему, не могъ быть склоненъ къ іезуитскому ордену; заставъ его въ своей Имперіи, онъ его терпѣлъ, но не расположенъ былъ ему покровительствовать.

(*) Сестренцевичъ возвращенъ изъ ссылки на прежнее мѣсто повступленія на престолъ Императора Александра.

При самомъ вступленіи своемъ на престоль, оставляя іезуитовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они уже находилсь, онъ ограничилъ ими предѣлы распространенія ордена, слѣдуя въ этомъ примѣру Екатерины. Но основавшись въ Петербургѣ, іезуиты не упали духомъ, въ полной увѣренности найти себѣ тамъ сильныхъ пособниковъ, и не ошиблись: Князь А. Н. Голицынъ, еще прежде назначенія своего Главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, сдѣлался ревностнымъ ихъ покровителемъ и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ними противъ Сестреничича; Графъ Местръ, воспитанникъ Іезуитовъ, сначала эмигрантъ, потомъ Сардинскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, пріобрѣтшій своимъ умомъ, познаніями и свѣтскою образованностію большія связи въ столицѣ, былъ не только ихъ защитникомъ, но и руководителемъ. Много другихъ лицъ высшаго общества, и преимущественно между дамами, были въ восхищеніи отъ іезуитовъ. Эти монахи преобразовали Петербургскій костелъ по своему, не обращая никакого вниманія на Регламентъ, изданный для него въ 1769 году, удалили вовсе синдиковъ (церковныхъ старостъ) отъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ, и стали распорядиться по собственному произволу (*); въ противность Регламента, принимали въ учрежденную при костелѣ школу не однихъ дѣтей Латынскои вѣры, но и другихъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ и Православнаго; а потомъ учре-

---

(*) Несмотря на огромные доходы этой церкви съ принадлежащихъ ей домовъ, лавокъ, погребовъ, также отъ добровольныхъ приношеній, іезуиты, имѣвшіе въ Россіи до 14.000 душъ крестьянъ, оставили на церкви болѣе 400.000 р. долга, половину коего приняло на себя Правительство.

дли въ Петербургѣ благородный пансіонъ, въ которомъ имѣли несчастіе получать воспитаніе дѣти лучшаго Русскаго дворянства, изъ коихъ многіе совращены были здѣсь изъ Православія въ Латынство.

Верхъ торжества іезуитовъ было основаніе ихъ Академіи въ Полоцкѣ. Это случилось въ 1812 году, когда Россія готовилась встрѣтить войска Наполеона. Обращаемъ на это особенное вниманіе читателей: іезуиты всегда и вездѣ дѣйствовали, какъ говорится, *подъ шумокъ*, и постоянно приобрѣтали наибольшую силу тогда, когда болѣе важныя событія не позволяли о нихъ думать, и въ этихъ случаяхъ они одни и остаются въ выигрышѣ. Тоже случилось въ наше время: о социализмѣ февральской революціи нѣтъ болѣе и рѣчи, а іезуиты сильнѣе, чѣмъ когда либо во Франціи; уже десять лѣтъ, какъ Австрійскіе революціонеры безъ голоса, а іезуиты царствуютъ въ Австріи, благодаря заключенному въ недавнее время конкордату съ Римомъ. Такъ они будутъ дѣйствовать въ каждой странѣ, гдѣ происходятъ важныя соціальныя перевороты, и гдѣ не до нихъ.

Почитая себя довольно сильными, іезуиты открыли дѣятельную пропаганду въ Петербургѣ и притомъ въ высшемъ обществѣ столицы. «Обращеніе умовъ къ нашей вѣрѣ», писалъ въ началѣ 1816 года Графъ Местръ, «чрезвычайно «быстро, и переходъ въ католичество замѣчательнъ какъ «по числу лицъ, такъ и по положенію, занимаемому ими «въ обществѣ». «Что за отрадное зрѣлище!» пишетъ онъ

Архієпископу Рагузскому: «какое множество обращеній, «и какая быстрота въ нихъ, и это въ самомъ высшемъ «здѣшнемъ обществѣ»! Разумѣется, Графъ Местръ объяснялъ эти совращенія естественною прелестію и истинностію католицизма, и не сомнѣвался, что это релігіозное движеніе сдѣлается общимъ въ Россіи. Въ сущности же это была только Іезуитская пропаганда, которая наконецъ дошла до того, что въ 1815 году Іезуитъ Балад्रे (Baladre) публично съ кафедры въ костелѣ Св. Екатерины поносилъ всѣ Христіанскія исповѣданія, для того, чтобы выставить превосходство Латынскаго. Прочитавъ эту проповѣдь, Князь Голицынъ писалъ Митрополиту Сестренцевичу: «Нѣкоторыя мѣста этой проповѣди противны не только духу любви и мира, который долженъ одушевлять всякое истинное Христіанское ученіе; но и въ особенности тѣмъ правиламъ, которыя Правительство искони наблюдало въ отношеніи терпимости всѣхъ Христіанскихъ церквей въ Россійской Имперіи. Я непочитаю себя ни въ правѣ, ни въ обязанности входить въ разсмотрѣніе ученія какой либо церкви; но по должности моей, будучи обязанъ пецись о благоустройствѣ и сохраненіи тишины какъ въ Господствующей Греко-Россійской Церкви, такъ и во всѣхъ терпимыхъ и покровительствуемыхъ въ Россіи исповѣданіяхъ, я покорнѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство, чрезъ кого слѣдуетъ, сдѣлать замѣчаніе патеру Баладру, чтобы онъ не дерзалъ впредь, подъ опасеніемъ строгаго взысканія дѣлать какія либо внушенія, предосудительныя для другихъ Христіанскихъ исповѣданій и потому несомвѣстныя съ миролюбіемъ и съ общественнымъ

порядкомъ. Если господствующая церковь никогда не позволяет себѣ и малѣйшаго отступленія отъ сего священнаго правила, то тѣмъ менѣе можетъ Правительство допустить нарушеніе онаго со стороны терпимой церкви, которая впрочемъ пользуется полною свободою богослуженія. Сія самая терпимость, которую столь явно осуждаетъ Римскій проповѣдникъ, называя ее подпорою всѣхъ ересей, отдѣльныхъ отъ Римской церкви, открыла ему нѣдра нашего отечества и сдѣлала церковь его сопричастною всѣхъ благодѣтельныхъ попеченій Правительства».

Уже одно обращеніе замѣчанія іезуиту не къ Генералу ордена, а къ Митрополиту, власть коего орденъ непризнавалъ, показывало, что Правительство перемѣнилѸ наконецъ свое довѣрчиво выгодное мнѣніе объ іезуитахъ. И могло ли оно добровольно закрыть себѣ глаза, чтобы невидѣть ихъ дѣйствій? что безпрестанно доходило до него? что въ Новороссійскихъ и Саратовскихъ колоніяхъ іезуиты разными происками присоединяютъ къ Латынству Лютеранскихъ колонистовъ; что въ Сибири перекрещиваютъ въ свою вѣру Православныхъ; что въ Петербургѣ совращаютъ лицъ лучшихъ Русскихъ фамилій. А въ Бѣлоруссіи? Тамъ тысячами, какъ овецъ, переводили въ свою вѣру Уніятскихъ крестьянъ. Конечно, такого рода дѣятельность клонилась не ко благу Государства Православнаго. — Съ этого времени стали наблюдать за іезуитами; прежній ревнитель ихъ Князь Голицынъ былъ раздраженъ ихъ поступками и даже испуганъ тѣми огромными размѣрами, кото-

рые стала принимать ихъ пропаганда. Иезуиты это знали; но такъ были увѣрены въ силѣ своихъ связей и въ своемъ умѣньи, что не ожидали готовившейся для нихъ участи.

16 Декабря 1815 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ иезуитовъ изъ Петербурга и о запрещеніи имъ вѣзда въ обѣ столицы; а 20 числа состоялся Указъ о томъ Сенату. Въ этомъ Указѣ, написанномъ Адмираломъ Шишковымъ, читаемъ слѣдующее справедливое разсужденіе: «Домогаться сдѣлать человѣка отпадшимъ отъ своей вѣры, отъ вѣры предковъ его; погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ; отдѣлить духъ его отъ духа отечества; посягнуть раздоръ и вражду между семействами; отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери; водворить несогласіе между чадами единыя церкви,—сей ли есть гласъ и воля миролюбиваго Бога и едиnorodнаго Сына его Богочеловѣка Христа, пролившаго за насъ пречистую кровь свою, да проживемъ тихое и мирное житіе?» 16-го числа Генераль-Губернаторъ Вязмитиновъ арестовалъ иезуитовъ въ ихъ домѣ, и поставилъ стражу на дворѣ, въ коридорахъ и у дверей ихъ комнатъ. Можно себѣ представить ужасъ и негодованіе ихъ приверженцевъ. «Католицизмъ уничтоженъ въ Петербургѣ!» восклицалъ Графъ Местръ, и беспокоился о томъ: дадутъ ли иезуитамъ шубы, не умретъ ли кто изъ нихъ на дорогѣ. Но беспокойства эти были излишни: всѣмъ имъ даны были шубы, теплые сапоги и зимніе экипажи; и ночью съ 22 на 23 Декабря они вывезены изъ Петербурга, и благополучно достигли Полоцка. Иезуитское училище при

церкви Св. Екатерины въ Петербургѣ отдано въ завѣдываніе Министерства Просвѣщенія, а іезуиты замѣщены были въ этой церкви Доминиканами.

Замѣчательно, что самъ Графъ Местръ сознается, что пропаганда іезуитовъ была уже черезъ чуръ ревностна, поспѣшна и неосторожна; что для такой важной дѣятельности имъ не доставало главнаго руководителя, головы Грубера или Аквавивы, и приписываетъ упадокъ ордена тому, что онъ, по своему составу, сдѣлался преимущественно Польскимъ, а Польша—страна отжившая. Но, какъ умный человекъ, не смотря на свой фанатизмъ, Местръ понималъ, что Русское Правительство не могло долѣе терпѣть іезуитовъ. «Каждый Государь,» говоритъ онъ, «защищаетъ свою религію противъ чуждаго нападенія,—ничего не можетъ быть естественнѣе. Русскій Императоръ опасался прозелитизма іезуитовъ;» а въ другомъ мѣстѣ сознаетъ, что, еслибы іезуиты явились въ Россію въ видѣ ангеловъ и продолжали свою проповѣдь, то они были бы изгнаны, и Правительство поступило бы благоразумно въ смыслѣ политическомъ.

Графъ Местръ утѣшалъ іезуитовъ; говорилъ, что друзья, ихъ и не-друзи въ Европѣ, узнавъ объ ихъ прозелитизмѣ и его послѣдствіяхъ, скажутъ: это баталіонъ, высланный за свою храбрость.—Мы, писалъ онъ, тѣ Альпійскія огромныя сосны, твердо пустившія корни свои въ землю, которыя удерживаютъ лавины; вырвать ихъ, и лавины—покатятся: такъ іезуиты поддерживаютъ и Греко-Россій-

скую церковь. (Странная нелѣпность!) Онъ внушалъ іезуитамъ, чтобы они ни подѣ какимъ видомъ не высказывали своего неудовольствія, чтобы не только въ Россіи, но и за границею не произносили ни одного оскорбительнаго для Русскаго Правительства слова; чтобы даже хвалили Государя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это умѣстно, но впрочемъ умѣренно, чтобы похвала не имѣла вида лести (*). Начертанный планъ поведенія былъ не только остороженъ, но и искусенъ, и іезуиты вполне ему послѣдовали. Самъ Местръ долженъ былъ принять не меньшія предосторожности: его обвиняли въ главнѣйшихъ соображеніяхъ въ столицѣ, и Государь поручилъ даже одному изъ своихъ министровъ сказать ему, что онъ это знаетъ. Подозрѣнія эти были вполне основательны: Местръ направлялъ іезуитовъ, самъ дѣлалъ прозелитизмъ, и, что всего хуже, служилъ тайнымъ агентомъ Римскаго Двора,—сообщалъ ему, черезъ разныхъ духовныхъ лицъ, съ коими велъ переписку, о всѣхъ распоряженіяхъ и даже предположеніяхъ Русскаго Правительства по дѣламъ Латинской церкви, давалъ аттестаціи духовнымъ, слѣдилъ за ихъ образомъ дѣйствій и т. п. Послѣ этого, Графъ Местръ не долго оставался въ Россіи: официальное положеніе его, какъ Сардинскаго Министра, сдѣлалось въ этихъ обстоятельствахъ весьма не ловкимъ.

Итакъ: въ третій, и будемъ надѣяться, въ послѣдній разъ, очищена была Россія отъ вреднаго іезуитскаго орде-

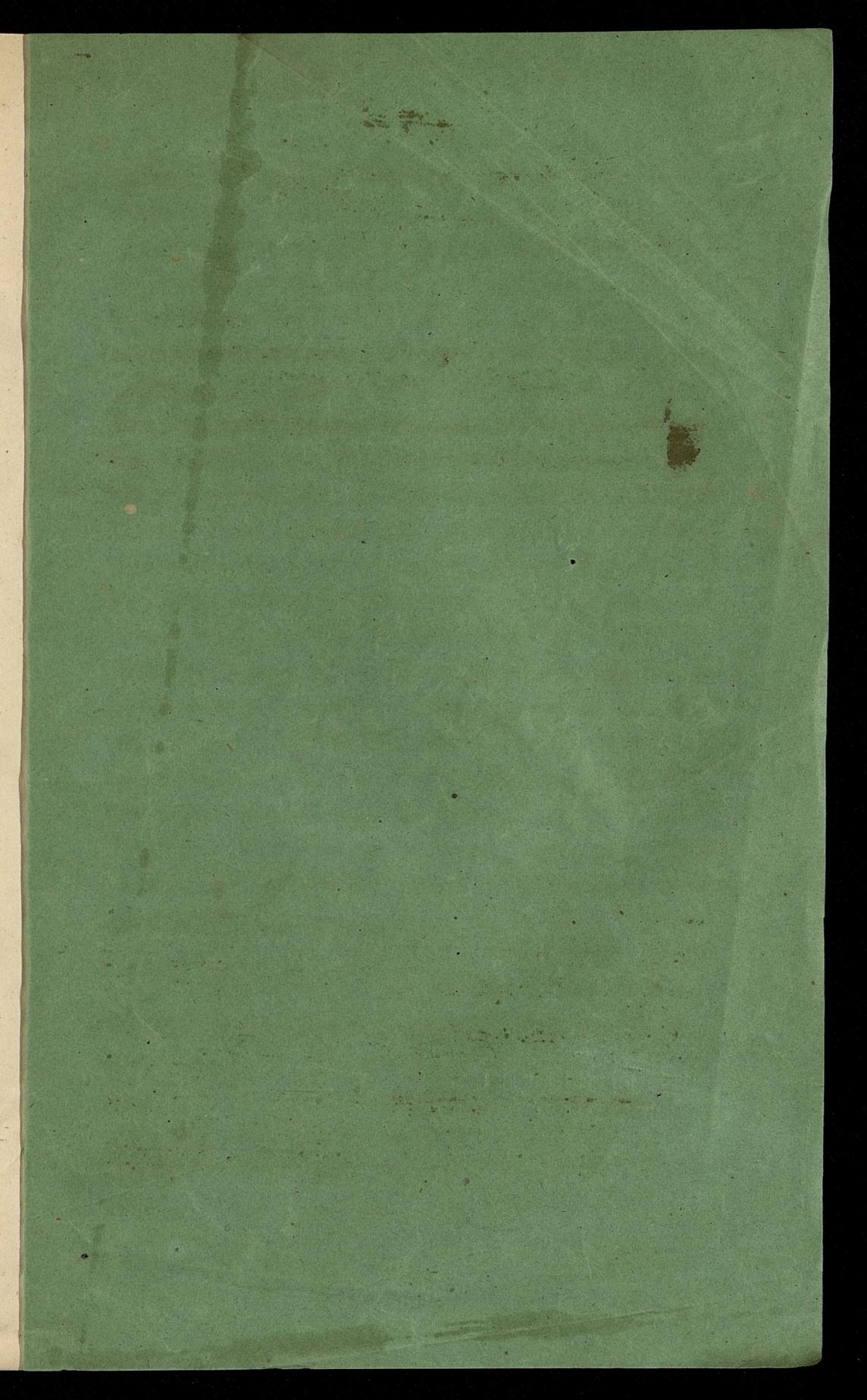

(*) Все это объясняется тѣмъ, что іезуиты были удалены тогда только изъ Петербурга; но оставались и думали навсегда остаться въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ находились. За границу высланы были только въ 1820 году.

на. Не такъ однако думаютъ явные и тайные, носящіе и не носящіе орденскую одежду іезуиты. Они и теперь помышляютъ какъ бы пробраться въ Россію. Первыя попытки ихъ легко можно будетъ замѣтить, припомнивъ только исторію; ибо вообще Римская система, заслуживающая полного вниманія въ отношеніи настойчивой своей послѣдовательности, не отличается особою изобрѣтательностію; и потому, по всей вѣроятности, употреблены будутъ въ дѣло давно извѣстные способы, какъ это уже и видно изъ нѣкоторыхъ іезуитскихъ современныхъ сочиненій, гдѣ передается другими словами, какъ новая мысль, постановленія Флорентійскаго собора; разсуждается, по старымъ богословскимъ учебникамъ, объ утопической возможности соединенія церквей и т. п. Тогда мы скажемъ іезуитамъ то, что они уже слышали отъ нашего Правительства болѣе полтора вѣка тому назадъ: «размножать у насъ Латинскаго ученія не надобно и неудобно, потому что мы изстари имѣемъ свою Христіанскую вѣру, непоколебимо ей преданы, и иностранныхъ ученій не принимаемъ; а если хотите, идите къ такимъ народамъ, которые не исповѣдаютъ и не знаютъ истиннаго Господа Бога и блуждаютъ во мракѣ; тѣхъ вы просвѣщайте и обращайтесь въ свою Римскую вѣру».

0-25

II-37353p.

Цѣна 20 коп.